

Письма Л. Н. Толстого къ дочери Татьянѣ Львовнѣ *).

№ 1. 1871 годъ. Июнь 1).

Таня!

Тутъ есть мальчикъ. Ему четыре года и его зовутъ Азисъ, и онъ толстый, круглый и пьетъ кумысъ и все смѣется.

Степа 2) его очень любить и даетъ ему карамельки. Азисъ этотъ ходитъ голый. А съ нами живетъ одинъ баринъ, и онъ очень голоденъ, потому что ему ѣсть нечего, только одна баранина. И баринъ этотъ говоритъ: «хорошо бы съѣсть Азиса, — онъ такой жирный».

Напиши, сколько у тебя за поведеніе.

Цѣлую тебя.

№ 2. 18 октября 1885 г.

Ай да Таня. Спасибо, милая, за письмо. Пишите чаще, я ваши же марки буду вамъ собирать. Я уже набралъ. Теперь безъ шутокъ. Ты въ первый разъ высказалась ясно, что твой взглядъ на вещи перемѣнился. Это моя единственная мечта и возможная радость, на к. я не смѣю надѣяться — та, чтобы найти въ своей семьѣ братьевъ и сестеръ, а не то, что я видѣлъ до сихъ поръ — отчужденіе и умышленное противодѣйствіе, въ которомъ я вижу не то пренебреженіе — не ко мнѣ, а къ истинѣ, — не то страхъ передъ чѣмъ то. А это очень жаль. Нынче, завтра придетъ смерть. За что же мнѣ унести съ собой туда одно чувство къ своимъ неясности умышленной и отчужденія большаго, чѣмъ съ самыми чужими? Мнѣ очень страш-

*) Примѣчанія къ тексту составлены Т. Л. Сухотиной-Толстой.

Ред.

1) Изъ Самарской губ., куда Л. Н. ѣздилъ на кумысъ.

2) Шуринь Л. Н.—ча.

но за тебя, за твою не слабость, а воспримчивость къ зѣвотѣ и желалъ бы помочь тебѣ. Мнѣ помогаетъ убѣжденіе несомнѣнное въ томъ, что важнѣе для тебя въ мірѣ, такъ же, какъ и для всѣхъ насъ, нѣтъ ничего нашихъ поступковъ и изъ нихъ слагающихся привычекъ. Для меня, напримѣръ, важнѣе гораздо вставать рано и отвыкнуть отъ табаку, чѣмъ исполненіе всѣхъ моихъ внѣшнихъ желаній, для тети Тани, отъ к. я получилъ письмо, гдѣ она говоритъ, что ей нужно денегъ, денегъ, денегъ, гораздо важнѣе не то, что отвыкнуть браниться, а разъ удержаться отъ брани, чѣмъ получить Ротшильдово состояніе и послѣдній примѣръ на закуску, тебѣ важнѣе убрать свою комнату и сварить свой супъ (хорошо бы коли бы ты это устроила — протискалась бы сквозь все, что мѣшаетъ этому, особенно мнѣніе), чѣмъ хорошо или дурно выйти замужъ. Можетъ ты слишкомъ согласна съ этимъ или совсѣмъ несогласна, но меня всегда поражаетъ эта бессмыслица: свои поступки, изъ которыхъ вся жизнь, все, человѣкъ считаетъ такъ пустячками, а то, что не можетъ измѣнить его внутренней жизни, считаетъ очень важнымъ. Такъ вотъ сознаніе важности того, что важно и пустячности того, что пустячно, можетъ много помочь противъ всякихъ искушеній. Я только представляю себѣ Ф., К., У., Ш., З., съ папиросами и разговорами неинтересными и не понятными другъ другу и никому и имъ самимъ не нужными, но не только ихъ, и еще Mme Scuron 1), пагибающуюся, чтобы слушать, но что и кого я ни представляю себѣ изъ Московской жизни — старыхъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ — ужасъ забираетъ меня. Одно спасеніе во всякой жизни, особенно въ городской — работа и работа. Я вижу тебя, ты скажешь: все неутѣшительно. Дѣло въ томъ, что не утѣшаться надо, а идти впередъ, куда хочешь, не хочешь идешь, и дѣло только въ томъ, чтобы *marcher droit*. А когда будешь прямо идти, будетъ и пріятно, и очень пріятное. Я по опыту говорю. Я теперь испытываю это. Я живу очень хорошо. Я никого не вижу, кромѣ Ал. Петр. ресурсы котораго очень ограничены и если бы вѣрилъ въ счастье, т. е. думалъ бы, что надо замѣчать и желать его, я бы сказалъ, что я счастливъ. Не вижу, какъ проходятъ дни, не думаю, что выйдетъ изъ моей работы, но думаю, что дѣлаю то, что надо, чего хо-

1) Гувернантка французенка.

четь отъ меня то, что пустило меня сюда жить. Разлука съ семьей здѣсь теперь не больше той, которая всегда, когда мы всѣ вмѣстѣ. Даже тогда я чувствую себя часто болѣе одинокимъ. Теперь я очень, очень часто думаю о васъ и думаю и чувствую васъ лучше. Въ школу я ни разу не ходилъ. Чѣмъ болѣе одинъ, тѣмъ болѣе занятъ. Письма я получилъ отъ тети Тани и отъ Черткова. У меня освободился экземпляръ «Что-жъ намъ дѣлать?» и я пришлю тебѣ завтра, да ты у мама могла бы взять. А еще почему ты не возьмешься за какую нибудь работу для печати народныхъ изданій? Я читаю теперь понемножечку *Bleak House* — очень хорошо, и я думаю объ (*Oliver Twist* 1).

Только представь себѣ, какъ бы ты читала это въ школѣ.

Скажи, пожалуйста, что значитъ С.? Какъ ты думаешь, что онъ желаетъ на тебѣ жениться и почему, если желаетъ, не дѣлаетъ предложенія? Скажи мнѣ откровенно, что ты объ этомъ думаешь? Въ его отношеніяхъ къ нашему есть много похожего на мои отношенія къ семейству мама. Маша это тетя Таня; Лева — это Степа и т. д. За палець твой денегъ доктору платить не надобно 2), а вотъ супъ, если бы ты уладила и выучилась готовить, это было бы хорошо. Нынче я рубилъ дрова, пришли 3 дворовыхъ мальчика и руководитель ихъ Иванъ Павлычъ 3) и остановились противъ меня. Я спросилъ, что имъ нужно, они помялись и Ив. Павл. подалъ мнѣ бумажку. «Я, говорить, написалъ сочиненіе о бѣдномъ мужикѣ». Сочиненіе ироническое, но подробности двѣ очень хороши. У мужика по локти рукава у полушубка разорваны, пальцы изъ сапогъ торчатъ. То, когда онъ сталъ плясать, рукава замотались, какъ крылья у коршуна, а пальцы изъ сапогъ, какъ молодые соловьи, изъ гнѣзда выглядываютъ.

Не думай, чтобъ два листика, на которыхъ я пишу, значило то, что я разорвалъ и не послалъ, что написалъ. Нѣтъ, это только экономія бумаги, а я пишу, что понало и хотя чувствую, что очень дурно пишу, пошлю какъ написано. Вчера получивъ твое письмо на Козловкѣ, я такъ хорошо о тебѣ думалъ и мысленно съ тобой говорилъ, а теперь потерялъ тонъ и вышло и педантично и несвязно. Тебѣ отлично жить на свѣтѣ — силъ въ тебѣ много и фи-

1) Два романа Диккенса.

2) Я вывихнула себѣ палець, коля дрова. Отецъ мнѣ его вправилъ но мать настаивала, чтобы я показала его хирургу.

3) Внукъ нашей пани. Его величали по отчеству за важный видъ.

зическихъ, и умственныхъ и душевныхъ, только поблуди ихъ. И любить тебя люди, — какъ ты пишешь, барышни — я вѣрю этому — любить такъ, ни за что. Ну, прощай, душа моя. Пиши. Л. Т.

№ 3. (Приписка къ письму С. А. Толстой отъ 25 сентября 1889 г.).

Боюсь я очень, что у васъ въ Парижѣ будетъ Никольское. Какъ оно ни прекрасно само по себѣ, Парижъ интереснѣе. А то случится, что въ Парижѣ кто нибудь изъ васъ проиграется въ винтъ и отыграется только въ Неаполѣ. Пожалуйста пиши поподробнѣе, голубушка, намъ вѣдь это большое очень удовольствіе и все интересно. Я твое письмо прочелъ два раза и выжалъ до суха. Пиши въ родѣ дневника. Въ нашъ вѣкъ есть одна сторона — главная — жизни, которой никто не интересуется. А ты поинтересуйся непременно. Это религіозная сторона. Послушай наилучшихъ проповѣдниковъ и въ Madeleine католиковъ и протестантовъ и рационалистовъ — должны быть. Эта сторона меньше всѣхъ шумить, а важна. Сестеръ милосердія St. Vincent de Paul и др., что можешь, узнай. Цѣлую васъ, привѣтствую сожителей.

№ 4. Приписка къ письму С. А. Толстой (1889).

Мама велитъ тебѣ писать и я очень радъ это сдѣлать, но боюсь, не сумѣю. Тутъ же сидятъ и болтаютъ американки. Онѣ, т. е. Stokham очень мнѣ была полезна не въ медицинск., а въ религіозн., въ свѣдѣніяхъ о религіозномъ движеніи въ Америкѣ, которымъ она сама занята. Погода удивительная, а мнѣ все чѣмъ дальше, тѣмъ больше хочется и нужно писать и все помѣхи, но я все-таки очень счастливъ. Тебѣ каково? Ты вѣрно набираешься впечатлѣній, какъ закупаютъ нужный матеріалъ, не разбираясь. Дома увидишь — годится ли онъ и стоитъ ли заплаченного. Письма твои хороши. Это я поощряю тебя, чтобы ты еще больше писала. Кланяйся Гельбигамъ и Олсуфьевымъ. Маши 1) живутъ очень хорошо. Уже тѣмъ хорошо, что безъ всякихъ удовольствій не скучаютъ. Цѣлую тебя. Л. Т.

1) М. Л. Толстая и М. А. Кузминская.

№ 5. 1889 г.

Письма твои все также хороши 1), милая Таня. Ты какъ будто выражаешь сомнѣнія въ ихъ достоинствахъ. Немножко послѣднія похуже, менѣе обстоятельны, да и какъ дядя Костя говорить: «натуры» много. Но я шучу. Я радовался на всѣ описанія, особенно ночью лунной въ Римской Кампаніи. Неаполь слишкомъ хорошъ, приторенъ; но Флоренція вѣрно понравится, какъ и мнѣ, скромностью и пріятностью. Въ мое время она было стала портиться, — была столицей. Но все таки мнѣ было тамъ всегда хорошо. Писать тебѣ, пожалуй, уже не придется послѣ этого письма. — У насъ очень хорошо и кажется не одному мнѣ, но всѣмъ и мама, какъ ты видишь изъ письма, и Машѣ 2), несмотря или вслѣдствіе того, что она ходитъ за Сашей 2) въ карантинѣ, и малышамъ, которые очень милы подъ вліяніемъ насъ и Новикова, учителя, очень оригинальнаго, умнаго, и добраго, и ласковаго къ дѣтямъ человѣка. Только бы Богъ избавилъ отъ гостей и темныхъ и свѣтлыхъ 3). Я кое что пишу — отрывочныя мысли — но длиннаго ничего не затѣваю, хотя и желаю. Цѣлая куча получена Harper's съ прекрасными иллюстраціями и ничтожнымъ, какъ кажется, текстомъ. Зато я продолжаю получать прекрасныя американскія изданія World's Advance Thought. Это спиритическій журналъ, М. Гельбигъ должна бы его знать. Ты такъ описала Гельбигъ 4), что я ее полюбилъ, а главное за то, что тебя они любятъ или дѣлаютъ какъ бы любятъ. Да и за что не любить вамъ, да и всѣмъ людямъ другъ друга? Мнѣ все чаще и чаще благочестивыя размышленія приходятъ именно въ этой формѣ: такъ недолго тутъ жить, и такъ не особенно то привлекательна эта жизнь, несмотря даже на красоту Неаполя, что не стоитъ того дѣлать дурное, а главное разрывать столь свойственныя радостныя (единственно радостныя) любовныя отношенія. Непремѣнно надо улыбаться лушою не переставая, а этого невозможно дѣлать, какъ только вообразилъ себѣ, что сердишься или не любишь кого то.

1) Изъ заграницы.

2) Мои младшія сестры.

3) «Темными» въ нашей семьѣ назывались посѣтители въ отличіе отъ «свѣтскихъ», которые впоследствии стали называться «свѣтлыми».

4) Русская, княжна Шаховская, замужемъ за нѣмецкимъ профессоромъ W. Helbig. Я гостила въ ихъ виллѣ на Gianicolo.

Ты что то подобное разъ написала и это мнѣ было радостно. Да только ты не въ Римѣ или въ виллѣ, гдѣ тебѣ всѣ льстятъ, выучилась, а въ своей комнатѣ, у колодца, гдѣ дымить или стучить. А стоитъ только, чтобы въ душѣ улыбалось и у колодца будетъ не хуже Рима. Я улыбаюсь, думая о тебѣ. Ну до свиданія, милая, цѣлую тебя. Л. Т.

№ 6. 16 ноября 1890 г.

Мы всѣ живы здоровы, тебя поминаемъ. Что ты? Не вѣрь докторамъ, вылечить только время, сама натура и здоровый образъ жизни. Вылечить доктора не могутъ, а повредить очень могутъ. Вотъ что сдѣлай мнѣ, голубушка: достань критики духовныхъ на «Въ чемъ моя вѣра»: Орфано, Никонора, если объ этомъ онъ писалъ и привези мнѣ. Видишь ли, мнѣ нужно точно цитировать, какъ духовные писатели отдѣляются отъ предписанія Христа о непротивленіи злу. Я потому объясняю, чтобы ты не привезла того, что мнѣ не нужно. Да и вообще покупать эти книги жалко, а постарайся такъ достать. Можно достать и въ Музеѣ. Нынче была телеграмма отъ С. А., что она хорошо доѣхала и тамъ все благополучно. Л. Т.

Бесѣды Антонія у меня есть. Цѣлую Лизу и ея дѣтей.

№ 7. 1891 г. 1).

Мама тебѣ все расскажетъ, а все таки я пишу и безъ всякаго внѣшняго дѣла, а только чтобы ты знала, что я «Barkis is willing» 2). У насъ все по старому, новаго только то, что очень одолѣваютъ просители. Впрочемъ, и это старое. Вхать тебѣ черезъ Пирогово 3) очень хорошо, но помни нашъ уговоръ: если только не совсѣмъ тихая погода или оттепель, то не ѣзди, а вернись изъ Пирогова на Лазарево, Тулу и весь кругъ. Объ этомъ заклинаю тебя. Если же поѣдешь и будешь у Бибиковыхъ, то извѣсти Ди-

1) Письмо изъ Рязанской губ., гдѣ мы въ голодные 1891 и 92 г. г. устраивали столовые. Я собиралась вхать изъ Ясной на лошадахъ въ Рязанскую губ.

2) «Barkis is willing» — фраза часто повторяемая извощикомъ — пастъ Давида Копперфильда, къ которой онъ сватался.

3) Имѣніе Сергѣя Ник. Толстого въ 35 верстахъ отъ Ясной.

міра Бобринскаго, онъ къ тебѣ, т. е. къ Бибиковымъ, приѣдетъ и будетъ тамъ помогать. Онъ очень усердно работаетъ и просилъ дать ему знать телеграммой въ Богородицкѣ за три дня, а то онъ бываетъ въ отсутствіи.

Тамъ у Бибиковыхъ, если найдешь большую нужду, открывай до 6 столовыхъ теперь, но не больше. Здѣсь есть мѣста, гдѣ выдано на всѣхъ по 38 ф. И тамъ мы открываемъ столовыя съ своимъ хлѣбомъ. Прими это въ соображеніе. Объ опроверженіи статьи Московск. Вѣдомостей я радъ, что не напечатали. Поговорятъ и замолчатъ. Я самъ виноватъ, что согласился на это опроверженіе. -- Персональ нашъ весь очень пріятенъ, исключая одного новаго К. Это одинъ изъ тѣхъ 3-хъ, который, помнишь, просились пріѣхать, -- студенты замедѣльческаго Института. Да и тотъ ничего, да и живетъ не у насъ, а въ Прилинкахъ. Очень весело будетъ встрѣтить тебя и милую Вѣру 1). А то она все говоритъ, что я ее забываю. Не забываю и нашихъ отъ Андрюши до Вани включительно. Поцѣлуй ихъ за меня. Л. Т.

№ 8. 27 іюня 1892 г.

Какъ ты поживаешь, голубушка Тania? 2). Мнѣ тебя очень жалко и страшно, что ты разнеможешься. Утѣшаюсь тѣмъ, что, во-1-хъ, всегда бываетъ навыворотъ: ты ждала, что тебѣ будетъ очень скучно, а будетъ очень хорошо и, во-2-хъ, что ты совершаешь доброе дѣло. Дай Богъ только, чтобы все было удачно: никто бы не огорчился. Сейчасъ отвѣчалъ письма — написалъ Crawford'у и Hargood. Сережа 3) у насъ, и къ сожалѣнію, сейчасъ съ этимъ письмомъ ѣдетъ. Я очень радуюсь тому, что не только не осталось у меня того страннаго прежняго чувства неловкости и холодности, а напротивъ смотрю на его затылокъ и онъ мнѣ милъ. Тетя Тania мнѣ говорила, что я сталъ очень равнодушенъ къ людямъ. Если это такъ, то только къ тѣмъ, къ которымъ я всегда былъ равнодушенъ. Къ тѣмъ, кого я любилъ, какъ къ вамъ, напримѣръ, дочерямъ, я сталъ обратное, а къ Сережѣ, Ильѣ чувствую увеличеніе

1) Дочь С. Н. Толстого.

2) Я ѣздила въ Рязанскую губернію ликвидировать нашу работу по помощи голодающимъ.

3) С. Л. Толстой.

любви. Прости, что хвастаюсь. Мы съ Машей и Вѣрой мечтаемъ ѣхать на лошадахъ. Мои занятія 8-й главы 1) идутъ все по прежнему, съ тѣмъ же упорствомъ и если я не заблуждаюсь, самымъ грубымъ образомъ, то съ успѣхомъ. Хотѣлось бы очень пріѣхать безъ 8-й главы и въ этотъ пріѣздъ отдаться всему дѣлу. Дѣла будетъ много. Помогай подготовленіемъ. Привѣтъ дорогимъ хозяевамъ и милому сотруднику и сотрудницамъ и сотрудницамъ. Цѣлую тебя. Л. Т.

№ 9. 22 октября 1893 г.

Спасибо тебѣ, милая Таня, за обстоятельное письмо о Левѣ 2). Все одно и все мы знаемъ и все очень ему тяжело и всѣмъ намъ тоже. На что въ самомъ дѣлѣ доктора, когда они всегда, когда что нибудь нужно знать, ничего не знаютъ? Совершенно, какъ фокусы съ картами, когда какъ будто угадываютъ, а въ сущности только повторяютъ то, что ты самъ ему сказалъ, только запутавши отвѣтъ. А притомъ лапись и бромъ. Ну, да главное дѣло надо отрѣшиться отъ своей воли. Авось лапись и бромъ не сдѣлаютъ слишкомъ много вреда. Скажи Левѣ, что я продолжаю ему совѣтовать подчиненіе. Оно нужно, какъ успокоеніе нервъ и нѣкоторое освобожденіе отъ заботы о себѣ. Это очень важно. И потому одобряю и планъ его приглашенія его знакомаго доктора.

У насъ ужасная погода: темнота и дождь, сырость на дворѣ, грязь непролазная. Но дома очень пріятно. Я занятъ по утрамъ. Вчера и вечеромъ очистилъ всѣ письма. А очень пріятный мнѣ собесѣдникъ Леонтьевъ. (Онъ усердно переписываетъ). По крайней мѣрѣ мужчина. А то все дамы. Вѣрочка (я не жалуясь) удивительно разозлилась на Машу безо всякаго повода и злилась цѣлый день. Потомъ пришла къ ней въ комнату, начала хохотать, а потомъ плакать. И это было примиреніе. Я ее люблю именно за то, что въ ней дека стеклянная и виденъ весь механизмъ. Нынче я долго проспалъ и въ 9-мъ часу слышу голоса. Это Маша, ѣздившая на Козловку, привезла Кат. Ив., Мар. А. и Дунаева. Такъ что намъ не достаетъ только одного кавалера для двухъ кадрелей. Мнѣ очень

1) Изъ книги «Царство Божіе внутри васъ»

2) Я ѣздила въ Парижъ ухаживать за больнымъ братомъ Львомъ.

пріятно было видѣть главное милаго Дунаева и мы съ нимъ и Леонт. такъ хорошо сейчасъ говорили наверху въ залѣ, въ то время какъ дамы сидѣли въ Сашиной комнатѣ и кажется переписывали отчасти.

Ты жалуешься, что увлекаешься живописью. Это ничего. Это хорошо. Только смѣлѣе пиши картину на выставку. Отъ Ге старика было хорошее бодрое письмо. Очевидно онъ весь въ своей картинѣ. Кончаетъ ее. Получилъ отъ Каразина письмо съ просьбой сказать свое мнѣніе объ иллюстраціяхъ «Сѣвера» и посылаетъ нѣсколько экземпляровъ альбома. Я еще не получилъ. Получу, посмотрю и напишу ему, стараясь не лгать и не обидѣть. Разумѣется сочиненіе надо послать Маковскому и благодарить. Письмо это разумѣется пишу, столько же имѣя въ виду мама, сколько и тебя и Леву. Мама подала очень хорошую мысль послать Тулонъ, если посылать, къ Сутнеръ. Цѣлую васъ всѣхъ. Пишите. Л. Т.

№ 10. (Приписка къ дѣтскому письму Саши). 26 февраля 1894 г.

Сейчасъ ѣдутъ всѣ куда то на вечеръ. И всѣ наряжаются и Сашу¹⁾ и Ваню²⁾ завиваетъ Теодоръ. Все это очень весело. Мнѣ было очень больно видѣть Ваню завитымъ и Сашу разряженной. Одно спасеніе, что душа человѣческая герметически закупорена и защищена отъ порчи. Теперь всѣ тамъ на этомъ вечерѣ, а мы одни съ Машей дома: она усердно работаетъ, переписываетъ записки Хилкова (прекрасныя) и письма разбираетъ. А я сейчасъ сидѣлъ одинъ наверху и читалъ книги и статьи, привезенныя Гальперинимъ. Въ 4 часа проводилъ Н. Н. Ге на желѣзную дорогу. Они ѣдутъ вмѣстѣ весело, Касаткинъ, Пастернакъ, Левитанъ. Я кажется безъ тебя, Таня, обидѣлъ Касаткина, высказалъ ему очень откровенно неодобреніе его картинѣ «Паровая конка». Очень мнѣ ужъ стало противно искусство для забавы.

Нынче получилъ вашу телеграмму о Brissaut или Brissot съ увѣдомленіемъ, что вы остаетесь indéfiniment и письмо, въ которомъ обѣщаете пріѣхать на дняхъ. Пожалуйста, милые мои, не торопитесь рѣшать и измѣнять поло-

1) Моя младшая сестра.

2) Мой младшій братъ.

женіе, не отдавайтесь настроенію, особенно ты, Лева, а дѣлай поправку того, что представляется подъ извѣстнымъ настроеніемъ: Если *Briss...*, то *Briss...* Я скорѣе повѣрилъ бы врачу нервныхъ болѣзней, чѣмъ *Rotain*, разумѣется, независимо отъ личности, довѣрія, которое она внушаетъ. — Сейчасъ прервали меня и наше одиночество три Иваныча Посредника (П. 1), И. 2) и Е. 3). — Я ничего еще толкомъ не началъ. — Тулонъ кончилъ, но хочется многого и думается, что не надо ничего писать. А надо больше заниматься тѣмъ художественнымъ произведеніемъ, которое составляетъ жизнь cadaго изъ насъ, прикладывая все вниманіе и усиліе на то, чтобы не было въ ней никакихъ ошибокъ, ни колорита, ни перспективы, ни главное отсутствія содержанія. Этого же и вамъ желаю, милые друзья дѣти. Л. Т.

№ 11. (11 марта 1894 года).

Милые друзья,

Послѣднія письма ваши утѣшительны. Продолжайте также и все будетъ хорошо. Мнѣ очень интересна та подпольная литература, которую ты читаешь, Лева. Меня всегда удивляло и удивляетъ, какъ такое сильное движеніе, какъ это и такіе сильные по энергіи люди, участвовавшіе въ немъ, не оставили слѣда. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ничего. Ты почитай, изслѣдуй и привези, что интересно. Я теоретически заключаю, что не должно быть ничего значительнаго, но такъ какъ я этого хочу, то боюсь ошибиться...

Въ послѣднее время очень распустился. Городская суета и съ ней проникающее тщеславіе, никогда не отстающей отъ меня бѣсъ, хотя и никогда не овладѣвающей мною, стали беспокоить меня и я вчера еще рѣшилъ исправиться, не въ одномъ этомъ, а и въ другихъ грѣхахъ. Вы не думайте, что старики чѣмъ нибудь отличаются отъ васъ въ главномъ, въ настоящемъ. — Я такъ много вамъ нахвасталъ о своихъ планахъ и такъ мало исполнилъ, что теперь ужъ ничего не скажу о томъ, что дѣлалъ и думаю дѣлать...

Нынче же пріѣхалъ Поша. Рассказываетъ, что тамъ до-

1) П. И. Бирюковъ.

2) Ив. Ив. Горбуновъ-Посадовъ.

3) Е. И. Поповъ.

ма ему чуждо, особенно съ братомъ и грустно видѣть то неудовлетвореніе, которое даетъ жизнь, которую онъ ведетъ. Это всегда особенно трагично. Человѣкъ приноситъ самую большую жертву, которую онъ можетъ принести: поступается требованіями своей совѣсти и не получаетъ того, во имя чего онъ приноситъ эту жертву...

Дядя Сережа здѣсь и я сегодня пойду къ нему, чтобъ повидаться, пока мы живы и дать ему случай излить свое недовольство на христіанство, а потомъ поахать и признать, что да, да...

По случаю предисловія къ Мопассану я досталъ книги по эстетикѣ у Стороженко и много прочиталъ по этому предмету и многое узналъ. Прекрасная есть англ. книга Knight'a *Philosophy of the beautiful* и очень много хорошаго въ книгахъ Гюйо (забылъ какъ нишется). Двѣ книги его *L'art au point de vue sociologique* и др. не помню, содержатъ много хорошаго. Я прежде не читалъ. Если тамъ нѣтъ полной и главное ясной теоріи — эволюціонизмъ путаетъ — то зато много вызывающаго на мысли въ самомъ ъхорошемъ направленіи...

Вопросы теоріи искусства уже который разъ волнуютъ меня. Видно еще неясно въ головѣ. А кое какъ говорить незачѣмъ. Надо прочесть исторію эстетики, чтобы видѣть, какъ много объ этомъ говорено умнаго и вѣрнаго, но очень неяснаго. И теперь все мнѣ напоминаетъ объ этомъ предметѣ и вызываетъ мысли: вчерашній вечеръ у Берсовъ и твое посѣщеніе, замучившее тебя Louvre'a. Вчера послѣ чепухинскаго квартета Чайковскаго я разговаривалъ съ віолончелемъ — ученикъ, очень хорошо играющій, консерваторіи. А тамъ начали пѣть. Чтобы не мѣшать пѣнію, мы ушли въ другую заднюю комнату и я горячо доказывалъ ему, что музыка новая зашла на ложную дорогу; вдругъ что-то перебиваетъ мои мысли, захватываетъ меня и влечетъ къ себѣ, требуетъ покорности. А это тамъ начали пѣть. — ученикъ консерваторіи прелестный баритонъ Бабуринъ и дѣвица Ригъ — дуэтъ *La ci darem la mano*. Я пересталъ говорить и сталъ слушать и радоваться и улыбаться чему то. Что же это за страшная сила? Такъ же и твой Louvre. Какъ за колдовство, т. е. за таинственное воздѣйствіе злое казнили, а за молитвы, таинственное воздѣйствіе доброе, прославляли, возвеличивали, такъ и съ искусствомъ надо. Это не шутка, а ужасная

власть. А оказывается, что люди хотятъ только дурного воздѣйствія...

А Ге картину сняли, потому что это бойня, это нарушаетъ удовольствіе. Вотъ и разберись тутъ.

Все надо сначала.

Ну прощайте, покойной ночи, милые мои, пойду къ дяди Сережѣ.

Это письмо, какъ барышни пишутъ, обо всемъ.

№ 12. (Приписка къ письму С. А. Толстой отъ 3 окт. 1896 г.).

Цѣлую тебя, милая Таня. Я тебя никогда не буду осуждать, потому что въ тебѣ такое преобладаніе хорошаго, что только такой ворчунъ, какъ я, можетъ осуждать. Хорошо ли доѣхала? Не тоскуешь ли? Сейчасъ говорилъ съ Сережей. Жалко очень ихъ обоихъ. *Tout vient à point à celui qui sait attendre.* И имъ надо ждать, не портя себѣ. Также и тебѣ и радоваться, что ты такъ хорошо дожила до 32 лѣтъ, съ которыми очень поздравляю тебя и себя.

№ 13. (Приписка къ письму С. А. Толстой отъ 9 окт. 1896 г.).

Поблагодари Маклакова за присылку книгъ. Все, что мнѣ нужно. Маша велитъ тебѣ жить въ Москвѣ, а мнѣ ты не достаешь. У насъ хорошо. Жалко того, кто въ Москвѣ — теперь мама. Л. Т.

№ 14. (Приписка къ письму В. С. Толстой). 11 октября 1896 г.

Скучно безъ васъ, милыя дочери. Нѣтъ, нѣтъ и ждешь, что придетъ какая нибудь и начнетъ говорить глупости, а все таки мнѣ будетъ пріятно и успокоительно. Живите получше, повеселѣе, порадостнѣе, безъ напряженія дантистовъ и Карцевскихъ 1) яблочъ всѣхъ сортовъ. Машино письмо было послѣднее хорошее и грустное. У насъ очень осенне и мнѣ пріятно, хотя ничего нынче не работаль толь-

1) Колоніальный магазинъ Карцева, куда мы бѣгали за яблоками и другими сладостями.

ко писалъ и съ большимъ удовольствіемъ читалъ Евангеліе по итальянски. Всякое слово замѣчаешь и узнаешь новый языкъ. Еще пріятно, что никого нѣтъ чужихъ. А. все также мучителенъ, пропадаетъ или гармонія и худое большое лицо и вялые глаза. — Неужели также смотрѣть на погибель М. придется? Это ужасно, хоть бы умереть скорѣе. Все равно надо скоро. Игралъ съ мама въ четыре руки. Цѣлую васъ.

№ 15. 18 марта 1897 г.

Таня милая, съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ въ твоихъ первыхъ двухъ письмахъ то, что ты пишешь о своей жизни, о томъ; какъ ты сводила счеты съ ней и съ собой, я почувствовалъ, что тебѣ грустно и хотѣлось бы помочь тебѣ, но разумѣется ничѣмъ не могу, кромѣ тѣмъ, чтобы сказать, что я съ тобой вмѣстѣ за тебя чувствую тоже, что и ты, что мнѣ тебя жалко; но утѣшаюсь тѣмъ, что такая серьезная грусть и счеты съ собой никогда не проходятъ даромъ, а подвигаютъ туда, куда надо, растягиваютъ крылья, на которыхъ улетишь надъ всѣмъ тѣмъ, что теперь мѣшаетъ. Ну да просто, не скучаю безъ тебя, не нужна ты мнѣ, а просто люблю тебя и живу съ тобой вмѣстѣ.

Хорошо, что мы грамотѣ знаемъ, никогда этого не скажешь, а написать можно, хотя всегда страшно злоупотреблять этой свободой письма, что нѣтъ глазъ, которые въ тебя глядятъ и нѣтъ интонаціи, при которой надо произнести слова. Хорошо ли тебѣ въ Ясной? Я думаю: да. У насъ хорошо, слава Богу, добро и все улучшается. Я своего спокойствія не теряю. Работаю не унывая. Вчера были Буланже, Моодъ, Дунаевъ, Суллеръ, Елена Петровна и Сперанскій студентъ, было хорошо имъ, кажется, и мнѣ. Ночью разбудила насъ телеграмма отъ Черткова тебѣ. «Please send immediately 90 roubles Hilkoﬀ» 1). Я послалъ нынче. Отъ Черткова хорошія письма. Ему тамъ хорошо. А остальнымъ вѣрно плохо. Елизавета Ивановна 2) ѣдетъ съ Моодомъ 3) 27-го. Цѣлуй отъ меня Дору и Ле-

1) Я посылала ежемѣсячную маленькую пенсію сосланному Хилкову, въ то время послѣдователю отца.

2) Мать В. Г. Черткова.

3) Переводчикъ и англійскій біографъ отца.

ву 1). Имъ кажется тоже хорошо. И слава Богу. Когда я что предприму и прїѣду въ Ясную, ничего не знаю и не желаю. Прощай. Л. Т.

18 марта 1897.

Марью Александровну 2) цѣлую и радуюсь, что у ней все неизмѣнно хорошо въ ней, а потому и вокругъ ней.

№ 16. 14 октября 1897 г.

Получилъ твое письмо, милая Таня, и никакъ не могу отвѣтить тебѣ такъ какъ бы ты хотѣла. Понимаю, что развращенный мужчина, спасается, женившись. Но для чего чистой дѣвушкѣ *aller dans cette galère* трудно понять. Если бы я былъ дѣвушка, ни за что бы не выходилъ замужъ. На счетъ же влюбленья я бы, зная что это такое, т. е. совсѣмъ не прекрасное, возвышенное, поэтическое, а очень нехорошее и главное болѣзненное чувство, не открывалъ бы ворота этому чувству и также осторожно серьезно относился бы къ опасности заразиться этой болѣзнию, какъ мы старательно оберегаемся отъ гораздо менѣ опасныхъ болѣзней: дифтерита, тифа, скарлатины. Тебѣ кажется теперь, что безъ этого нѣтъ жизни. Также кажется пьяницамъ, курильщикамъ, а когда они освобождаются, тогда только видятъ настоящую жизнь. Ты не жила безъ этого пьянства и теперь тебѣ кажется, что безъ этого нельзя жить. А можно. Сказавъ это, хотя и почти безъ надежды на то, чтобы ты повѣрила этому и такъ повернула свою жизнь, понемногу деморфинируясь и потомъ избѣгая новыхъ заболѣваній, скажу о томъ, какое мое отношеніе къ тому положенію, въ которомъ ты теперь находишься.

Дядя Сережа рассказывалъ мнѣ — меня не было — что они съ братомъ Николаемъ и другими мало знакомыми господами были у цыганъ. Николенька выпилъ лишнее. А когда онъ выпивалъ у цыганъ, то пускался плясать — очень скверно подпрыгивая на одной ногѣ, съ подергиваніями и *would be* молодецкими взмахами рукъ и т. п., которые шли къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Онъ, всегда

1) Мой братъ и его жена.

2) М. А. Шмидтъ, послѣдовательница отца.

серьезный, неловкій, кроткій, некрасивый, слабый мудрецъ, вдругъ ломается и скверно ломается и всё смѣются и будто бы одобряютъ. Это было ужасно видѣть. И вотъ Николенька началъ проявлять желаніе пойти плясать. Сережа и Васенька Перфильевъ умоляли его не дѣлать этого, но онъ былъ неумолимъ и сидя на своемъ мѣстѣ дѣлалъ безтолковые и нескладные жесты. Долго они упрашивали его, но когда увидали, что онъ былъ настолько пьянъ, что нельзя было упросить его воздержаться, Сережа только сказалъ убитымъ грустнымъ голосомъ: пляши! и, вздохнувъ, опустилъ голову, чтобъ не видать того униженія и безобразія, которое пьяному казалось (и то только пока хмель не прошелъ) прекраснымъ, веселымъ и долженствующимъ быть всѣмъ пріятнымъ.

Такъ вотъ мое отношеніе къ твоему желанію такое же. Одно, что я могу сказать это: пляши! Утѣшаюсь тѣмъ, что когда ты отпляснешь, ты останешься такою, какою ты была и должна быть въ нормальномъ состояніи. Пляши! больше ничего не могу сказать, если это неизбежно. Но не могу не видѣть, что ты находишься въ невѣроятномъ состояніи, что еще больше подтвердило мнѣ твое письмо. Я удивляюсь, что тебѣ можетъ быть интереснаго, важнаго въ лишнемъ часѣ свиданья, а ты вмѣсто объясненія — его и не можетъ быть — говоришь мнѣ, что тебя волнуетъ даже мысль о письмѣ отъ него, что подтверждаетъ для меня твое состояніе совершенной одержимости и невѣроятности. Я понялъ бы, что дѣвушка въ 33 года, облюбовавъ добраго, неглупаго, порядочнаго человѣка *sur le refour* спокойно рѣшила соединить съ нимъ свою судьбу, но тогда эта дѣвушка не будетъ дорожить лишнимъ часомъ свиданья и близостью времени полученія отъ него письма, потому что ни отъ продолженія свиданія, ни отъ письма ничего не прибавится. Если же есть такое чувство волненія, то значить есть навожденіе, болѣзненное состояніе. А въ душевномъ болѣзненномъ состояніи не хорошо связывать свою судьбу — запереть себя ключемъ въ комнатѣ и выбросить ключъ въ окно.

Николенькѣ надо было поѣхать домой и выспаться, не плясавши, а если же это уже невозможно, то все, что мы можемъ сдѣлать — грустно сказать: пляши.

Такъ вотъ какъ я отношусь къ твоимъ намѣреніямъ, а приведешь ты ихъ въ исполненіе или нѣтъ, ты знаешь, что мое отношеніе къ тебѣ не можетъ измѣниться; не из-

мѣнится и къ Михайлу Сергѣевичу 1) или скорѣе измѣнится только къ лучшему, сдѣлавъ мнѣ близкимъ близкаго тебѣ человѣка. Вотъ и все. Цѣлую тебя, Машу и Колю 2).

№ 17. 15 ноября (1897 г.). Ясная Поляна.

Охъ, страшно, милая Тая, за тебя съ Андриюшей 3), за его болѣзнь. Извѣщай почаще, если болѣзнь затянется.

Про себя ты пишешь хорошо. Помогай тебѣ Богъ. Да ужъ очень ваше сословіе слабо, потому что очень дурно воспитано. Все сосредоточено въ любви. Не можетъ же серьезное занятіе, хотя бы математика (Майндорфъ), или медицина, или хозяйство, а самое лучшее — трудъ (не нужда, это опять худо), а жизнь полная обязательнаго, не сверхсильнаго труда, не можетъ не отвлечь и значительно отъ глупостей любви. А ты, бѣдная, и воспитана то дурно, да и въ условія обязательнаго труда не умѣла себя поставить: не могла повѣрить въ важность никакого труда. И это плохо было, но теперь будетъ лучше — вѣрю и надѣюсь и ужъ какъ желаю. Труда такого, чтобы навѣрно осчастливить человѣчество — нѣтъ ни для кого. Есть много такого труда, который при твоихъ нравственныхъ требованіяхъ не можетъ не только удовлетворить тебя, но прямо долженъ быть противенъ тебѣ, но есть много формъ скромнаго труда, котор... Написаль и запнулся. Нельзя не только предписать, указать какой нибудь трудъ, надо самому найти, полюбить и тогда самое кажущееся ничтожнымъ, поглотивъ всего, и дастъ радость. Одно можно навѣрно сказать, что для того, чтобы найти этотъ трудъ, надо перестать забавлять, развлекать себя, надо пощучать, потосковать даже, чтобы забеременить любовью къ какому либо дѣлу. Ну, будетъ. Нынче получилъ письмо отъ Ивана Ивановича Горбунова, который посылаетъ поклонъ отъ жены. Письмо безъ марки, его бросила на Козловкѣ проѣзжавшая обратно Вѣра Т., о чемъ пишетъ Иванъ Ивановичъ. — Ты пишешь о моемъ переездѣ въ Москву. Я думаю объ этомъ каждый день разъ 100 и подолгу и не могу рѣшить. Ъхать на мученіе, недостойную

1) М. С. Сухотинъ, за котораго я вышла замужъ въ 1899 году.

2) Моя сестра М. Л. Оболенская и ея мужъ Н. Л. Оболенскій.

3) Я жила въ Ялтѣ, гдѣ лечила своего племянника Андрея Ил. Толстого.

и праздную жизнь, бросивъ свое плодотворное уединеніе, когда мнѣ уже такъ мало остается жить и работать — есть нѣкотораго рода духовное самоубійство и зачѣмъ?

А между тѣмъ я знаю, что мама отъ этого страдаетъ и мнѣ хотѣлось бы помочь ей. Но переѣхавъ, я знаю, что ей я не помогу, она какъ нибудь иначе будетъ страдать, а себѣ того, что во мнѣ не мое, — поврежу. Постоянно думаю и желаю рѣшить не для себя, а передъ Богомъ и до сихъ поръ рѣшаю такъ, чтобы не ѣхать. Можетъ быть я обманываю себя. Тогда надо исправиться. Какъ меня радуетъ то, что Маша хорошо поправляется! Какъ подѣйствовало на нихъ мое письмо Колѣ? Я выѣзжалъ къ тебѣ въ Ясенки и еще хотѣлъ ѣхать въ Тулу, когда пришла твоя телеграмма. Что Вѣра не дала знать? Мнѣ такъ хотѣлось спросить, узнать. Цѣлую тебя, милая дочь. Л. Т.

№ 18. (Приписка къ письму С. А. Толстой отъ 16 ноября 1899 г.).

Сейчасъ написалъ тебѣ было два листочка и бросилъ, не послалъ. Чѣмъ старше, тѣмъ чувствительнѣе на несоответствіе словъ и чувствъ, неточность, неправдивость ихъ. Мама написала тебѣ о томъ, что дѣлается. Прибавлю, что А. какъ разъ сдѣлалъ то, въ чемъ ты его предостерегала, обидѣлся и обидѣлъ О. Но я не огорчаюсь, а только радуюсь на поразительную перемену къ лучшему въ немъ. Сережа съ Жюли 1) въ гостинной переписываютъ, теперь 12 ч. ночи. Она диктуетъ, онъ пишетъ, я имъ принесъ карты для кабалы въ награду. Повторю то, что я говорилъ тебѣ, что мнѣ разлука съ тобой ничто въ сравненіи съ вопросомъ о твоёмъ счастьи. Только бы я зналъ, что ты съ Михайломъ Сергѣевичемъ также разговариваешь, какъ Маша съ Колей, Варя съ своимъ мужемъ, что въ разговорѣ въ общеніи вашемъ нѣтъ никакихъ подводныхъ камней, а свободный океанъ и я буду радоваться и не видя тебя. Сегодня убирая твою комнату, разложилъ твои этюды, портреты. Много хорошаго. Манинъ 2) прелесть и Сережа хотятъ его у тебя просить. Важнѣе всего разумеется нравственное здоровье, чтобъ желать только того, что

1) Юл. Ив. Игумнова, моя товарка по училищу живописи и ваянія.

2) М. К. Толстая, первая жена брата Сергѣя.

всегда возможно: быть лучше и лучше, но по слабости своей очень желаю тебѣ и тѣлеснаго здоровья. Больно вспоминать тебя такой худой и блѣдной, какой ты была послѣдніе дни. А впрочемъ, можетъ быть тебѣ такой надо быть и такой ты будешь по новому хороша. Цѣлую тебя и Михаила Сергѣевича и съ успѣхомъ стараюсь любить его, чего и ему желаю относительно себя.

№ 18-бисъ. 15 мая 1900 г.

Никакъ не могу, голубушка Таня, приѣхать теперь. Я ужъ двѣ недѣли внѣ дома и потому теперь мнѣ лучше вернуться. Къ вамъ же мнѣ очень, очень хочется и это удовольствіе будетъ у меня впереди и постараюсь поскорѣе. Спасибо Михаилу Сергѣевичу, что онъ такъ зоветъ меня. Я хочу поѣхать домой 18-го, а къ вамъ ужъ въ іюнѣ, если буду живъ. Маша поправляется. Цѣлую васъ. Мнѣ было здѣсь 1) - очень хорошо.

№ 19. 23 сентября 1900 г.

Спасибо милая, голубушка Таня, что написала мнѣ и написала, что здорова и хорошо доѣхала. Я безпокоился и жалѣлъ, что не просилъ тебя извѣстить. Я нарочно ѣздилъ въ Толтыково 2), чтобы отъ Андриуши, вернувшася изъ Москвы, узнать. Толтыково очень хорошо. Андриуша продолжаетъ быть необыкновенно счастливъ, боюсь, что какъ Поликратъ. Отъ Серсжи печальное извѣстіе: Александръ Афанасьевичъ 3) заболѣлъ рожистымъ воспаленіемъ руки, гангрена и умеръ. Нынче письмо отъ Сони: Софья Алексѣевна 4) очень плоха. Везутъ ея въ Крымъ, Анночка 5) съ ней. Соня была у нее и кажется опять ѣдетъ. У насъ хорошо. Мнѣ иногда безъ васъ двухъ дочерей грустно. Хоть и не говоришь, а знаешь, что тебя понимаютъ и любятъ то, что ты не то что любишь, а чѣмъ живешь. Цѣ-

1) У своей дочери М. Л. Оболенской.

2) Имѣніе брата Андрея.

3) Управляющій брата Сергѣя.

4) С. А. Философова, теща брата Ильи.

5) Лочь брата Ильи.

люю тебя. Привѣтъ всѣмъ. Жюли копируетъ рядомъ со мною письма, Саша съ О. Н. уѣхали въ Овсянниково.

Быль И. И. Бочкаревъ. Онъ тебѣ пишетъ.

№ 20. Москва. 9 марта 1901 г.

Здравствуй, милая Таничка. Все собираюсь писать тебѣ и все не соберусь. Условія жизни все сложнѣе и сложнѣе, требованій отъ жизни все больше и больше, а силъ все меньше и меньше. Огонь догораетъ, а вѣтеръ, задувающий его, все усиливается. Хорошо, что все тверже и тверже знаю, что огонь, погаснувшій здѣсь, появится въ новомъ видѣ «не здѣсь» — онъ самый. Вчера очень интересный былъ разговоръ съ Коншинымъ — онъ непросвѣщенный матеріалистъ: были Буланже, Горбуновъ и Гольденвейзеръ и очень хорошая была бесѣда. Его, разумѣется, не убѣдилъ ни въ существованіи Бога, ни будущей жизни, но себя еще больше утвердилъ. Маша пишетъ хорошо о себѣ: слаба тѣломъ, но бодра духомъ и счастлива съ своимъ милымъ Колей. Смотри, будь также...

Вчера получилъ отъ Черткова письмо о русском изданіи Полнаго Собранія Сочиненій. Разумѣется, никто лучше его не можетъ этого сдѣлать и надо дорожить имъ. Цѣлую тебя, милую мою дочку-друга. Спасибо за интересное письмо о Шмитѣ. Милаго Михаила Сергѣевича цѣлую.

№ 21. 19 апрѣля 1902 г.

Очень долго отъ тебя не было писемъ, милая Танечка, или такъ, но крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. Нѣсколько разъ въ дню думаю: а вотъ придетъ Таня и я скажу ей... Здоровье все слабо, мама вѣрно пишетъ тебѣ. Особенно тяжелы мнѣ производимыя надо мною глупыя мудрствованія и манипуляціи врачей, которымъ я по слабости и по нежеланію огорчить окружающихъ, покоряюсь. Если бы больные неизлечимые чахоткой, ракомъ, знали свое положеніе и то, что ихъ ожидаетъ, они не могли бы жить, такъ и наше правительство, если бы понимало значеніе всего совершающагося теперь въ Россіи, они — правительственные люди — не могли бы жить. И потому они хорошо дѣлаютъ, что заняты балами, смотрами, приемами Лубе и т. п.

Какъ многое хочется написать, когда лежишь, ничего не дѣлая и обдумывая, а что приведетъ Богъ? Утѣшаюсь тѣмъ, что другіе это скажутъ. У васъ должно быть хорошо и въ природѣ, и въ семьѣ — всѣ съѣхались и соловей вѣроятно уже «смѣетъ запѣть въ смородинномъ кустѣ» 1). Привѣтъ всѣмъ и въ первую голову милому успокоительному Мишѣ (большому). Тебя цѣлую.

№ 22. 31 декабря 1902 г.

Крѣпись, моя голубушка Таня, на всякое намъ кажущееся несчастье 2) всегда можно смотрѣть, какъ смотрягь простые истинно вѣрующіе христіане, какъ на испытаніе, посылаемое Богомъ И *n'en deplaise à Nitche et à ses disciples* — такое христіанское отношеніе къ мірскимъ невзгодамъ не только не ослабляетъ дѣятельности человѣка, но придаетъ ему огромную тройную силу: служить себѣ въ самомъ высокомъ духовномъ смыслѣ, людямъ и Богу. Это не побѣда надъ своими страстями отреченіемъ отъ всего того, что не въ ихъ власти, — стойковъ, а это есть такое разумное пониманіе жизни, при которомъ видишь, что Богъ далъ намъ жизнь для блага и что въ ней кромѣ блага ничего другого быть не можетъ, только бы мы умѣли понимать значеніе ея и ея различныхъ переменъ. Ты сама говоришь, что боялась своей безумной страстности къ ребенку и я думаю, что ты была права, боясь этого. Отъ такого ненормальнаго чувства ничего хорошаго не могло выйти ни для него, ни для тебя, ни для окружающихъ. А развѣ не несомнѣнно, что у тебя въ душѣ теперь прибавится духовной силы, нужной для жизни и что ты будешь еще лучше, чѣмъ прежде служить другимъ людямъ. Все это ты знаешь и надѣюсь, что всей душой вѣришь въ это, но несмотря на то не можешь не страдать. Хорошо то, что въ томъ страданіи у тебя есть утѣшеніе и ты можешь осмыслить его. Смотрю на твой милый портретъ надъ созой и по лицу твоему вижу, что минутами ты можешь познать это и найти утѣшеніе, а минутами чувство возьметъ

1) Цитата изъ стихотворенія Фета.

2) Обманутая надежда на рожденіе ребенка.

верхъ и ты будешь страдать. Но чувство со временемъ все будетъ ослабѣвать, а сознание смысла жизни и ея невзгодъ все болѣе и болѣе крѣпнуть. Прощай, голубушка.

№ 23. 21 мая 1904 г.

Милая, бѣдная Танечка! Всякій разъ, какъ вспомню о тебѣ, больно сожмется сердце 1). Если я, самъ того не замѣчая, надѣялся на хорошій исходъ, то какъ же ты должна была надѣяться, не могла не надѣяться и какъ теперь должно быть больно. Утѣшеніе въ тебѣ самой и никто не можетъ тебѣ дать его. Одно, что мнѣ хочется сказать тебѣ -- это то, чтобы ты не забывала, что кромѣ возможности и желанія твоего быть матерью, ты уже несомнѣнно человѣкъ, со всѣми запросами, борьбою, радостью и всегдашнимъ приближеніемъ къ хорошему, которые свойственны всякому человѣку, да еще и очень хорошій человѣкъ, который и жилъ всегда человѣческой жизнью, и можешь жить хорошо. — Только это могу сказать тебѣ, потому что это думалъ о тебѣ, кромѣ того, что я кажется писалъ тебѣ о томъ, что зарожденіе въ мѣръ новаго живого существа есть дѣло не наше и что мать, носящая ребенка, всегда впадаетъ въ заблужденіе, что она производитъ человѣка на свѣтъ. Она даже не орудіе, а только сопутствующее обстоятельство; такъ что рожденіе и нерожденіе внѣ нашей власти и потому должно быть внѣ нашего горя. Тебѣ не суждено быть этимъ сопутствующимъ обстоятельствомъ. Но отъ этого ты не только не меньше, но еще больше человѣкъ. Маша по послѣднимъ извѣстіямъ (вчера) физически и нравственно переноситъ хорошо свое положеніе, такъ что Наташа пишетъ, что она боится, что ей будетъ хуже нравственно, когда будетъ лучше физически. Саша поѣхала къ ней. Мама въ Москвѣ. Здѣсь три сына: Сергѣй, Андрей и Миша.

Прощай, милочка, цѣлую тебя очень нѣжно и глазу по головѣ.

№ 24. 20 августа 1905 года.

Милая, голубушка Таня, Саша такъ рассказала мнѣ про тебя, что захотѣлось ѣхать къ тебѣ, звать тебя къ се-

1) Рожденіе мертвого ребенка.

бѣ, или хотѣ писать, чтобы не быть врозь съ тобой, а вмѣстѣ и если можно (навѣрное можно) ободрить, одухотворить тебя. Можно, главное, тебѣ самой ободрить и одухотворить себя. Все вѣдь навѣрное къ лучшему — не для тѣлеснаго, а для духовнаго. Что бы ни было съ тобой не только въ духовномъ отношеніи, дурного быть не можетъ, но все вѣдь навѣрное къ лучшему. Только надо самому переносить свою жизнь — желанія — въ духовную область. Вѣдь дурно можетъ быть только тогда, когда желаешь того, что тѣлесно. — Мнѣ то со стороны, любя твою душу, видно, что все, что бы съ тобой по отношенію ребенка ни было, все будетъ къ лучшему, если только ты не будешь противиться. Пріѣзжай къ намъ, я не буду ничего этого говорить тебѣ, а просто видѣть тебя и смотрѣть въ твои глаза и можетъ быть тебѣ перемѣна и привычное мѣсто дастъ толчекъ. Нынче только уѣхалъ Митя Олсуфьевъ — жилъ 6 дней и былъ очень милъ. А сейчасъ писалъ письмо Русанову. Жена его умерла и эга смерть трогательна для меня. Цѣлую тебя и Мишу. До свиданія.

№ 25. Приписка къ письму Ю. И. Шумковой отъ 2 юля 1907 г.

Мнѣ грустно, милая, милая Таничка, что у меня нѣтъ личныхъ съ тобой сношеній. Хочется видѣть, поцѣловать (хотя ты и подставляешь только щеку) тебя и Таничку-внучку 1). Радуюсь мысли скоро увидать тебя. Я тѣломъ очень ослабъ послѣ болѣзни, но на душѣ все лучше и лучше. Сейчасъ такъ пріятно съ сыновьями и невѣстками. Привѣтъ твоему милому Мишѣ и твоимъ.

№ 26. 7 ноября 1908 года.

Спасибо, милая Таничка, за твое письмо и заботы обо мнѣ. Я здоровъ. Немножко было разладился, но я думаю, что независимо отъ переѣзда. Миша такъ заботливъ, что мнѣ и трогательно и совѣстно было.

Палець мой было загноился отъ присыпки, которую я сдѣлалъ безъ Ивана Моисеевича, а теперь мнѣ вкладыва-

1) Моя дочь, родившаяся 6 ноября 1905 г.

ють въ щель марлю и компрессъ сверху и все идетъ хорошо. Очень, очень мнѣ было хорошо у васъ и не отъ того только, что вы всѣ со мною были хороши, но отъ того, что у васъ хорошо: хороша ты, умна, спокойна, добра, хорошъ Миша, хороши дѣти, прекрасенъ Александръ Михайловичъ 1), хороша А. И. 2) (place aux dames), хорошъ Иванъ Моисѣвичъ 3), которому очень поклонись отъ меня и хорошъ бы Иванъ Романовичъ 4), если бы не засыпалъ со свѣчкой и не торопился въ шахматы. Мишѣ скажи, что я вчера съ Гольденвейзеромъ игралъ гамбитъ и съ успѣхомъ. Все еще не началъ работать, кстати, Александръ Петровичъ 5) послѣ перерыва опять началъ пить, но чувствую, что буду писать, если буду живъ и очень важное, но не художественное. Отъ Маши получилъ длинное письмо: она хороша и кажется собирается доносить. Миша тутъ, когда я пріѣхалъ и показывалъ мнѣ письмо Лины 6), въ которомъ она описываетъ свой разговоръ съ матерью и въ которомъ мать выражаетъ желаніе переговорить со мной. Я обѣщалъ сдѣлать, но до сихъ поръ не видалъ ее.

Я здѣсь очень нравственно подтягиваюсь, чувствую необходимость быть всегда на сторожѣ передъ собой и держать отворенную дверь къ Богу, чтобы спастись у него, когда понадобится. Ну да это мое дѣло. Только могу сказать, что мнѣ хорошо и хорошество это, насколько оно есть, мое собственное произведеніе.

Цѣлую тебя, голубушка, въ кудлатую голову и мужа и чадъ и домочадцевъ.

7 ноября (вечеромъ) 1908 г. . .

Мама съ Варей Нагорновой играютъ въ 4 руки.

1) Дядя моего мужа.

2) Фельдшерица въ имѣніи моего мужа.

3) Воспитатель моихъ пасынковъ.

4) Врачъ, жившій въ имѣніи.

5) Спившійся поручикъ А. П. Ивановъ, періодически служившій дереписчикомъ отцу.

6) А. В. Глѣбова, впоследствии жена брата Михаила.

№ 27. Приписка къ письму С. А. Толстой отъ 28 февраля 1909 года.

Очень радъ, милая Таничка, вызову мама написать тебѣ. Я и всегда и часто хотѣлъ бы писать тебѣ, если бы не былъ такъ стариковски слабъ. Выпустишь свой зарядъ, а потомъ уже нѣтъ энергіи. Но все-таки скажу, что чѣмъ больше старѣю, т. е. приближаюсь къ другой жизни, тѣмъ лучше, радостнѣе и спокойнѣе жить здѣсь. Не скоро еще это узнаетъ маленькая Таничка, но дай Богъ, чтобы узнала. Какъ вспомню, что скоро увижу васъ всѣхъ троихъ милыхъ — такъ улыбаюсь не только внутренно, но даже наружно. Цѣлую васъ.

№ 28. 16 октября 1909 г.

Спасибо, милая Таничка, что написала мнѣ особо. Это какъ когда человѣкъ хочетъ ласково поговорить съ другимъ, дотрагивается до него. Я и отзываюсь нѣжностью на твою ласку. Миѣ хорошо, даже очень хорошо не по заслугамъ. Если есть на что пожаловаться, то усталость не физическая и не нравственная, а какъ бы сказать, дѣловитая усталость жизни. Допахалъ пашню, а еще рано, а на другую переѣзжать не къ чему. И хочется на ночлегъ, отъ нечего дѣлать спать, а мнѣ умереть слишкомъ хочется. Можетъ быть это временное, но есть очень сильно. Да ужъ и пора. Ты не одобряешь, а я все въ душѣ повторяю, что все входитъ въ одно длинное ухо и, не оставляя слѣда, выходитъ изъ другого. Не то, что я хочу учить когонибудь, видеть Богъ не хочу и не считаю себя способнымъ, а тяжело видѣть ясно всю чепуху и личной и частной семейной и общей жизни людей и ихъ тяжелыя страданія отъ этой чепухи и еще яснѣе видѣть средства освобожденія отъ этихъ страданій и упорное самоувѣренное продолженіе стараго. Звалъ бы тебя, звалъ бы всѣми силами, да страшно тебя разлучать, разстраивать. Ахъ, какъ страшна ты съ твоей жизнью въ Таничкѣ. Ищи, голубушка, другія опоры, другія, вѣчныя цѣли хоть немножко. А то страшно, страшно. Такъ хорошо, когда все хорошо независимо отъ всего, что можетъ случиться. Все чаще и чаще знаю это. Цѣлую тебя, Мишу, Таничку.

№ 29. 26 мая 1910 г.

Пользуюсь, голубушка Таня, твоимъ бюваромъ, чтобы отвѣтить тебѣ, но не твоей бумагой (все жалѣю). Люблю подарки отъ милыхъ людей, потому что напоминаютъ то, что пріятно.

Я доѣхалъ чудесно и дома хорошо, насколько можетъ быть. Мама, какъ обыкновенно --- волнуется тѣмъ, что не заслуживаетъ волнения и никѣмъ не мучимая, сама себя мучить...

Отъ Саши нехорошее письмо: температура повысилась. Нехорошо, потому что или здоровье хуже, или мнительность, вызываемая докторами и Варей 1). О пріѣздѣ ничего не пишетъ. Вчера былъ въ Овсянниковѣ 2) у Ивана Ивановича 3) по дѣлу нашихъ книжекъ. И очень пріятно. Такъ у нихъ хорошо. Тоже и у меня каждый день бываютъ очень, очень хорошіе серьезные близкіе мнѣ люди. Вчера вечеромъ было самое гетерогенное собраніе: Миташа 4), Андрей, мама, Фрага - швейцарецъ, ни слова не знающій по русски и... Булыгинъ, Алеша Сергѣенко, очень «темный» Скипетровъ, Николаевъ, Гольденвейзеръ, еще одинъ готовящійся къ отказу милый юноша. Вообще тяжело и говорить, говорить и слушать большею частью знакомое, ненужное. Уже за одно то, что отъ этого избавляетъ физическій трудъ, благословенъ онъ. Еще пріѣзжаетъ Трубецкой. Была телеграмма вопросительная и ему отвѣчено согласіемъ. Радуюсь мысли, что скоро увижу тебя и печалюсь, что не увижу скоро Мишу. Соболезную его хозяйствованію, хотя оно и конституціонное, и паркъ хорошъ, и дубы, и лошади, и Овсинскій, а все таки безъ нихъ бы лучше. Цѣлую всѣхъ.

№ 30. Приписка къ письму А. Л. Толстой отъ 6 июля 1910 года.

Я прогналъ Сашу съ того мѣста, гдѣ провель черту, — такъ хочется поговорить съ тобой, думать о тебѣ. Много, кажется, нужно сказать тебѣ, но все скажемъ поне-

1) Подруга сестры Саши, В. М. Феокритова.

2) Хуторъ, принадлежавшій мнѣ, въ которомъ жили М. А. Шмидтъ и Ив. Ив. Горбуновъ - Посадовъ съ семьей.

3) Горбуновъ-Посадовъ.

4) Дм. Дм. Оболенскій.

множку, когда прїѣдете. Теперь же скажу, что многихъ стараюсь поменьше любить — тебя въ томъ числѣ — многихъ безъ старанія и страха люблю, а многихъ, какъ ни стараюсь, не могу, какъ хотѣлъ бы любить. И за это, безъ всякаго старанья, себя не люблю. Ну вотъ и все. Марія Александровна 1) только все лучшеетъ, не такъ, какъ мы съ тобой. До свиданья, голубушка, цѣлую тебя и старика и Таничку. Твой...

№ 31. 12 іюля 1910 года.

Ради Бога, никто не упрекайте мама и будьте съ ней добры и кротки 2).

№ 32. 9 - 10 августа 1910 года.

Никто не выѣхалъ тебя встрѣчать, милый голубчикъ Таничка. Саша хотѣла, я ее задержалъ. Ужъ какъ я тебѣ радъ, не могу сказать, да и всѣ.

Ты всегда нужна, а потому всегда рады тебѣ. Цѣлую тебя, голубушка.

№ 33. 12 октября 1910 года.

Вотъ и пишу тебѣ, милая Таничка. И такъ совѣсть мучаетъ, что не написалъ до сихъ поръ. Хорошо ли у васъ дома? Надѣюсь, что хорошо. А у насъ не похваюсь: все также тяжело. Особенного нѣтъ, но каждый день упреки, слезы. Вчера и нынче было особенно худо. Сейчасъ 12-го и 12-й часъ ночи. Только что былъ разговоръ съ упреками о какомъ то завѣщаніи Черткову, о которомъ она откуда то, какъ говоритъ, узнала. Я молчалъ и такъ и разошлись. Нынче же утромъ думалъ о томъ, что объявлю, что уѣзжаю въ Кочеты 3) и уѣду. Но потомъ раздумалъ. Да, странно, вы любящіе меня, должны желать, чтобы я не прїѣзжалъ къ вамъ. Надѣюсь, что и не прїѣду. Остальное

1) М. А. Шмидтъ.

2) Записка, переданная мнѣ въ Ясной Полянѣ.

3) Имѣніе моего мужа.

все хорошо. Хотя и не похвалюсь работой. Да и тѣмъ лучше. Довольно ужъ я намаралъ бумаги. Изъ посѣтителей былъ на дняхъ пріятный мнѣ Наживинъ. Жду Ивана Ивановича 1). Сейчасъ прервала меня Софья Андреевна, требуя, чтобъ я прочелъ выписки изъ моихъ дневниковъ, когда я былъ влюбленъ въ нее. И опять слезы и сейчасъ опять пришла и опять слезы и просьбы не писать тебѣ о ней. Привѣтъ Мишѣ, Таничкѣ и всѣмъ вашимъ. Отецъ, Л. Т.

№ 34. 31 октября 1910 года.

Благодарю васъ 2), милые друзья, истинные друзья — Сережа 3) и Таня, за ваше участіе въ моемъ горѣ и за ваши письма. Твое письмо, Сережа, мнѣ было особенно радостно: коротко, ясно и содержательно, и главное, добро. Не могу не бояться всего и не могу освободить себя отъ отвѣтственности, но не осилилъ поступить иначе. Я писалъ вамъ черезъ Черткова о томъ, что я просилъ его сообщить вамъ, дѣтямъ. Прочтите это. Я писалъ то, что чувствовалъ и чувствую, то, что не могу поступить иначе. Я пишу ей — мама. Она покажетъ вамъ — тоже писалъ, обдумавши и все, что могъ. Мы сейчасъ уѣзжаемъ, еще не знаемъ, куда. Сообщение всегда будетъ черезъ Черткова. Прощайте, спасибо вамъ, милые дѣти, и простите за то, что все-таки я причина вашего страданія. Особенно ты, милая голубушка, Таничка, Ну вотъ и все. Тороплюсь уѣхать 4), такъ, чтобы, чего я боюсь, мама не застала меня. Свиданіе съ ней теперь было бы ужасно. Ну, прощайте.

1) Горбунова-Посадова.

2) Письмо, написанное послѣ ухода изъ Ясной Поляны въ отвѣтъ на наши письма.

3) С. Л. Толстой.

4) Изъ Шамардинскаго монастыря, гдѣ отецъ остановился для того, чтобы проститься со своей сестрой Маріей Николаевной Толстой.